

Александр Фокин

Вор из Дунхуана

Александр Фокин

Вор из Дунхуана

«Автор»

2026

Фокин А.

Вор из Дунхуана / А. Фокин — «Автор», 2026

Юный вор Сяо Лань внедряется в караван, чтобы его ограбить. Но суровая дорога по Шёлковому пути и люди, ставшие ему близкими, меняют его. Он учится доверять и отвечать за других. Раскрыв тайну своего происхождения, связанную с таинственным орденом Хранителей, Сяо Лань стоит перед выбором: предать своих новых товарищей или защитить их, сразившись с собственным прошлым.

© Фокин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Маленький Волк	5
Глава 2. У западных ворот	8
Глава 3. Первый переход	11
Глава 4. Ремесло	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Фокин

Вор из Дунхуана

Глава 1. Маленький Волк

В ту ночь луна светила так ярко, что от стен домов ложились чёрные, как уголь, тени. Город спал, и тишину нарушал только вой далёкого шакала. Но вдруг её разорвали – сначала быстрые, сбивчивые шаги, затем тяжёлое, запыхавшееся дыхание.

«Стой! Держи вора!» – кричали голоса, вырываясь из ворот богатого дома.

Последнее, что донеслось оттуда, было уже не криком, а низким обещанием: «Мы тебя найдём... Ты ответишь за всё».

А вор уже бежал, растворяясь в паутине узких переулков. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая все звуки, кроме собственного прерывистого дыхания. Он не бежал от чего-то – он бежал вперёд, в знакомую темноту, где каждый поворот, каждый выступ были частью его тела. Погоня осталась позади, растворившись в лабиринте, который знал только он.

Теперь настало время передышки, того короткого промежутка между опасностью и следующим шагом, где можно было снова стать собой.

Пора рассказать, кто же он такой.

Это был юноша лет семнадцати. Его звали Сяо Лань, что означало «маленький волк». Имя ему дала улица за волчий оскал. Его Мать погибла от неизвестной болезни, а отец пропал без вести когда ему было десять лет. Поэтому он выживал на улице как мог. Его домом был подвал заброшенного храма на окраине города.

Он был очень худощавого телосложения. Одежда была совсем не одеждой, а кучей тряпок. Волосы – длинные, чёрные, грязные, а глаза – зелёные. Роста он был невысокого, что давало преимущество ускользать от неприятностей. Он украл из того дома мешок с серебряными монетами, хотя и отделался укусом собаки, из-за которой поднялся этот шум. На поясе у него лежал отцовский кинжал.

На его лице появилась улыбка: теперь он мог купить что-нибудь съедобное на базаре. Хоть он и вор и мог просто украсть еду, но в душе понимал: людям тоже нужны деньги. Тот, у которого украли, останется голодным, а ему знакомо это чувство. Этот внутренний закон – не воровать еду у тех, кто сам на грани, – был единственной чертой, отделявшей его от животного. Он не называл это добротой, честью или совестью. Для него это была простая, выстраданная арифметика выживания: отнимать хлеб у голодного – всё равно что красть у самого себя вчерашнего. Это правило было таким же твёрдым и реальным, как кинжал отца у пояса, и так же, как кинжал, помогало ему оставаться человеком в мире, который давно перестал видеть в нём человека.

Перевязав рану, он начал считать монеты. «Двадцать, тридцать... Этого должно хватить на месяц».

Он двинулся на другой конец города, прислушиваясь каждому звуку, каждому голосу, каждому шороху. А шёл он не по улице, а по едва заметной тропке за домами, известной только таким, как он. Его город был другим – городом крыш, дворигов и чёрных ходов.

Здесь, на высоте, город был тихим и ясным. Днём эти крыши пеклись на солнце, а ночью становились холодными мостами над кипящей внизу человеческой жизнью. Он знал расписание ночных стражей, знал, в каком дворе лает цепной пёс, а в каком живёт глухая старуха. Это знание было его настоящим богатством, куда более надёжным, чем звякающие в мешке монеты. Оно делало его призраком, тенью, которой не за что уцепиться.

У старого колодца на краю квартала его уже ждал Гоций Ван.

– Добыча есть? – сипло спросил Ван, и в его глазах не было радости, только жадный огонёк.

– Мелочь, – отрезал Сяо Лань, видя жадный блеск в глазах Вана. – Но я нашёл кое-что посерьёзнее. Завтра у западных ворот собирается караван. Шёлк, специи, может, даже изделия из яшмы.

Ван присвистнул.

– И как мы их возьмём? Сотня людей, охрана...

– Не «мы», – холодно поправил его Сяо Лань. – Я. Я должен втереться в доверие. Прикинись кем-нибудь... потерявшимся, голодным. Они возьмут меня в караван.

Лицо Вана озарилось пониманием.

– А я?

– А ты отправишься вперёд. Большой город на их пути – Бухара. Разведает там место для засады, самую глухую улочку у караван-сарая. И будешь ждать моего сигнала. Я изучу охрану, распорядок, где что лежит. А ночью, когда все уснут... мы их обчистим.

Ван задумался. План был рискованным, но дерзким.

– А если тебя раскусят?

– Не раскусят, – уверенно сказал Сяо Лань, и в его голосе прозвучала та самая волчья уверенность. – Они увидят то, что я захочу им показать. Голодного парня, а не вора. Так я пойду?

– Погоди... а как я узнаю, где тебя искать в городе?

– Узнаешь, – Сяо Лань позволил себе короткую, хищную ухмылку. – Когда увидишь на стене у постоянного двора три угольные чёрточки. Знак волка. Жди там после заката.

Когда Ван, кивнув, растворился в темноте, Сяо Лань ещё какое-то время стоял у колодца. План был хорош. Слишком хорош, чтобы делиться им с кем-то вроде Вана. Но в одиночку с таким не справиться. Он поймал себя на мысли, что уже видит не просто грузы, а лица – равнодушные лица стражников, усталые лица погонщиков. Они были всего лишь препятствиями на пути к цели, шахматными фигурами.

Ирония ситуации заставила его усмехнуться: чтобы перестать быть воришкой, ему нужно было сыграть свою самую грандиозную и опасную роль. Роль человека, которым он никогда не был.

Глава 2. У западных ворот

Наступил рассвет, окрасив небо в бледные тона жёлтого и серого. Сяо Лань шёл к западным воротам, немного прихрамывая – укусы собаки ныли настырной, горячей болью.

Когда он дошёл до места, его обдало стеной звуков и запахов. Он увидел огромное, колышущееся скопление людей, верблюдов, тюков. Ему стало как-то не по себе, в горле запершило от пыли и чуждости. Он всегда был один. А здесь... здесь была жизнь, кипящая помимо него. Везде стояла едкая пыль, нестройные крики погонщиков сливались с рёвом верблюдов, а терпкий запах специй висел в воздухе тяжёлым облаком. Он понял, что не прогадал со временем. Но теперь нужно было сделать первый шаг.

Он на мгновение зажмурился, пытаясь отгородиться от этого ошеломляющего вала чужих жизней. В ушах ещё стояла ночная тишина его переулков, а здесь каждый звук, каждый запах настойчиво требовал внимания, вытесняя его собственные мысли. Ему пришлось сделать сознательное усилие, чтобы снова ощутить под тряпьем твёрдый контур отцовского кинжала – напоминание о том, кто он и зачем здесь.

Но, не успев выйти из укрытия, его заметил воин из каравана, который охранял самые ценные вещи, и крикнул ему:

– Эй, там! Подойди сюда! Да, да ты! Что ты тут забыл? Кто ты такой?

Голос был грубым и привыкшим к повиновению. Сяо Лань почувствовал, как по спине пробежал холодок, не связанный с утренним воздухом. Это был не страх стражника, а инстинктивная настороженность хищника, почуявшего другого сильного самца на своей территории. Каждая клетка его тела кричала: «Беги!», но разум уже включил отработанный механизм лжи.

Он сказал:

– Меня зовут Си Лу. Я из каравана, что шёл на запад, но на нас напали разбойники и убили всех, кто там был. Лишь я остался. Несколько дней я шёл по пустыне и сильно оголодал и обезвожился. Вы поможете бедному человеку? Примите в ваш караван, я готов к любой работе.

Слова лились плавно, с нужной ноткой истощения. Он даже слегка пошатнулся, делая вид, что слабость – не игра. Внутри же его ум работал с холодной скоростью, отмечая каждую деталь в облике воина: посадку, взгляд, то, как тот держит руку у рукояти меча. Этот человек был опаснее ночных стражников Дунхуана. С ним шутки были плохи.

Осмотрев его с ног до головы острым взглядом, воин помолчал, раздумывая.

– Я не могу взять тебя в караван, – наконец сказал он. – Я просто меч. Решает голова. Пойдёшь со мной к главному. Его зовут Лао Цзян. Он старше этих стен и мудрее пустыни. Прошёл тысячу ли и сто бурь. Его не обманешь красивой историей. Если он поверит – ты с нами. Если нет... обратной дороги у тебя нет.

Так они пошли к проводнику каравана. Сяо Лань узнал, что воина зовут Бо Ли. Он был крепкого телосложения, высокий, с широкими плечами. Сяо Ланю он сразу не понравился из-за того, что тот с ним так обращался. Осматривая караван, Сяо Лань удивился, насколько тут было много людей. Это усложняло задачу. Но он решил идти до конца.

«Волк не боится стада, он высматривает слабого», – думал он про себя.

Двигаясь между людьми и животными, он ловил обрывки разговоров на незнакомых наречиях, видел лица, загорелые и обветренные, каждое со своей историей. Этот караван был не безликой массой, а сложным живым существом со своей иерархией и законами. Его план, рождённый в уединении подвала, впервые столкнулся с громоздкой, шумной реальностью. Мысль «высмотреть слабого» теперь казалась слишком простой, почти детской.

И вот они подошли к головному верблюду.

Они подошли к старику, который разговаривал с каким-то человеком. Старик был очень высок, даже выше Бо Ли, что невольно напугало Сяо Лани. Взгляд у него был грозный, но уставший. На вид ему было лет шестьдесят.

Сяо Лань замер. Взгляд старика не был колючим, как у Бо Ли. Он был тяжёлым и всеобъемлющим, как будто пропускал его через сито многолетнего опыта, отсеивая ложь от правды одним лишь касанием. Под этим взглядом его легенда о Си Лу внезапно показалась ему тонкой, как паутина, готовой порваться от первого же серьёзного дуновения.

Закончив разговор, старик посмотрел на наших героев и сказал:

– Бо Ли, рад тебя видеть. Кто это с тобой? Что за бродяга?

Он пристально и сурово посмотрел на Сяо Лани.

Бо Ли пояснил:

– Почтённый Лао Цзян, этого... путника зовут Си Лу. Он из каравана, что шёл с запада. Остался один – разбойники всех перерезали. Просит помощи и места у нас.

Лао Цзян помолчал, взглядываясь в лицо Сяо Лани.

– Странно. Не слышал я, чтобы с запада в эти дни шёл какой караван...

Сяо Лань, не опуская глаз (хотя всё внутри сжалось), сказал:

– У нас был груз особой ценности. Потому и не трубили о пути. Знали лишь свои.

В тишине, следовавшей за его словами, было слышно, как хрустит песок под ногами верблюда и где-то далеко спорит торговец. Лао Цзян не сводил с него глаз. В этой паузе решалась его судьба. Он мысленно перебирал детали своей легенды, готовясь к новым вопросам, к попыткам запутать его. Но старик лишь слегка пошевелил бровями, и Сяо Лань понял, что его история была принята не как истина, а как условность, которую пока что решили не оспаривать.

Лао Цзян слегка прищурился.

– Удивил ты меня. Ладно. Возьму тебя в караван. Только не надейся прохладиться – будешь помощником на кухне.

На лице Сяо Лани мелькнула улыбка – всё идёт по плану.

– Буду работать, не жалея сил.

– У тебя другого выбора и не было, – сухо отрезал Лао Цзян. – Бо Ли, скажи всем – выступаем через час.

И, отвернувшись, так, будто поправлял упряжь, он тихо бросил Бо Ли:

– Присматривай за ним. Мало ли что.

Тот молча кивнул и отошёл.

Первая победа обожгла его изнутри короткой, яркой вспышкой торжества. Но слова «другого выбора и не было» и тот тихий приказ, который он всё же уловил, быстро остудили этот пыл. Он был внутри, но вокруг него только что возвели невидимую стену подозрения. Игра в кошки-мышки начиналась по-настоящему, и он понимал, что теперь мышь – это он.

Сяо Лань остался один среди кипящей суеты, не зная, куда идти. Вдруг его позвал мягкий голос. Это была невысокая девушка в простой одежде.

– Ты новый помощник? Меня зовут Мэй, я тут главная на кухне. Ты будешь мне помогать: таскать воду и мыть котлы. Пойдём, покажу, где колодец.

Он удивился, как это женщина была к нему добра. Все обращались с ним как с собакой. И он пошёл за ней.

Идя за Мэй, он ловил на себе взгляды – любопытные, равнодушные, брезгливые. Он был новым предметом в хорошо отлаженном механизме. Но в ровном, лишённом всякой игры голосе девушки не было ни одной из этих ноток. Была лишь простая констатация факта, и в этой простоте было что-то неожиданно устойчивое. Впервые за этот долгий утро он перестал на мгновение играть роль Си Лу и просто устало пошёл за тем, кто знал, что делать дальше.

Вот так и началась его жизнь в караване.

Глава 3. Первый переход

Впереди была только пустыня, медленно исчезал Дунхуан. Солнце пекло так, что у людей, которые первый раз пошли в караван, кружилась голова. Наш герой не исключение.

Он старался не уронить кувшин с водой, который нёс, сцепленными в белых костяшках пальцами. Он понимал: уронит – Мэй, может, и не скажет ничего, но в глазах Лао Цзяна он навсегда останется ненадёжным. А ненадёжных в пустыне оставляют.

Он никогда не работал, это ему казалось невыносимо, но выхода не было.

Он был в самом низу караванной иерархии. Его обгоняли погонщики, его не замечали купцы. Единственным, кто с ним говорил, была Мэй. Её фразы были короткими, как удары топора: «Воду сюда», «Котёл отскобли».

И странно – в этой молчаливой требовательности не было злобы Бо Ли или подозрительности Лао Цзяна. Была простая констатация: ты здесь, чтобы работать. И он работал. Впервые в жизни он зарабатывал свою еду не обманом, а болью в мышцах. Это было унижительно и... честно.

И в этот момент с равнины накатила стена жёлтого песка. Ветер, ещё секунду назад ласковый, завыл, вырывая из рук тряпки и шляпы. Песчаная буря.

Хаос. Верблюды рвались, люди метались. Инстинкт Сяо Лани кричал: «Брось всё, ложись, накрой голову!» Но он увидел, как ветер опрокинул треногу с котлом, а маленькая Мэй пытается его удержать, ослеплённая песком.

Он не думал. Он бросился вперёд, накрыв котёл своим телом, вцепившись в раскалённое от солнца железо. Песок бил в лицо, как тысячи игл. Мир сузился до воя ветра и борьбы за этот чёрный котёл – символа его нового, жалкого места в жизни, который он почему-то защищал.

Буря отступила так же внезапно. Он стоял на коленях, засыпанный песком, с лицом, исцарапанным до крови. Но котёл был цел. Перед ним стояла Мэй. Она молча протянула мокрую тряпицу. В её глазах было не одобрение, а что-то более важное: признание.

В этот момент мимо, проверяя верблюдов, прошёл Лао Цзян. Его взгляд скользнул по котлу, по лицу Сяо Лани, по тряпице в руке Мэй. Он не сказал ни слова. Только кивнул. Один раз. И пошёл дальше.

Вечерняя стоянка. Боль в мышцах сменилась глухой, ноющей болью во всём теле. Он тащил к костру бурдюк, когда силуэт Бо Ли преградил путь.

– Думаешь, герой? – голос Бо Ли был тихим и ядовитым. – Из-за тебя верблюд шарахнулся, чуть не сломал ногу. Ты – беда.

Сяо Лань попытался обойти. Плечо Бо Ли врезалось в него с такой силой, что бурдюк вырвался и шлёпнулся на землю. Вокруг замерли. Унижение горело жарче дневного солнца. Руки сами сжались в кулаки. Он готов был броситься, забыв про всё.

– Бо Ли.

Голос прозвучал негромко, но все услышали. Это была Мэй. Она стояла у костра, не оборачиваясь.

– Воду ко мне. Си Лу, иди сюда, угли поправь.

В её тоне была сталь, которой не было даже у Лао Цзяна. Бо Ли, сжав челюсти, фыркнул и отошёл. Сяо Лань подошёл к огню. Мэй, не глядя на него, протянула щипцы.

– Не трогай его. Он зол на весь мир, а ты попал под руку, – тихо сказала она. И добавила, уже обращаясь к котлу: – Котёл спасибо говорит. У меня одной не хватило бы сил.

Это была не благодарность. Это был отчёт. Как между равными.

Ночью Сяо Лань лежал и смотрел на чужие звёзды. Руки горели, из ссадин сочилась сукровица, но внутри бушевало что-то новое. Сегодня его ломали стихия и человек. И оба раза он устоял. Не как вор, а как... как часть этого каравана. Пусть самая низшая, пусть презируемая – но часть.

«Первый переход», – подумал он.

И впервые за много лет уснул с чувством, похожим на гордость.

Гордость была тихой и усталой. Она не кричала о победе, а тихо утверждала факт: ты жив. Ты прошёл через это. Завтра будет снова болеть спина, снова нужно будет таскать воду и избегать Бо Ли. Но что-то изменилось. Звёзды над головой были теми же, что и над Дунхуаном, но смотреть на них он стал из другого места. Не из подвала вора, а из лагеря путников. И это меняло всё.

Глава 4. Ремесло

Рассвет застал караван уже в движении. После бури пустыня отдышалась и лежала перед ними, плоская и безразличная, как выгоревший пергамент. Боль в мышцах Сяо Лани превратилась из острой в глухую, привычную. Сегодня его не будили криком – Мэй просто молча протянула пустой мешок для хвороста и кивнула в сторону редких кустов у горизонта.

Он работал молча, механически, как и все предыдущие дни. Таскал, связывал, таскал снова. Пока не наткнулся на неё у походной кухни, вернее, на то, что она делала.

Мэй сидела на складном табурете, зажав между колен большой глиняный горшок. В руках у неё была плетёная ситовина, а перед ней на чистой тряпице лежала горстка зёрен – пшеница, просо, что-то ещё, чего Сяо Лань не знал. Её пальцы, быстрые и точные, просеивали зерно, отбрасывая мелкий сор и камешки. Движения были ритмичными, почти музыкальными. Она делала это не спеша, но и без единой лишней секунды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.